

И.С. Хугаев

1

Совсем недавно, в связи с творчеством Хаджи-Мурата Мугуева, я вспоминал профессора Сабаева. Испытывая неловкость из-за композиционной неизбежности ссылок на мою собственную научную судьбу, я рассказал о той роли, которую сыграл в ней Сулейман Базжеевич, когда, непедagogично пренебрегши «индивидуальным подходом», разоблачил мои экстравертные прогрессистские склонности и указал непочтатый край работы на наших собственных филологических угодьях.

Сегодня у меня другая причина говорить о Сулеймане Сабаеве: в конце прошлого года профессор скончался. Осетинская филология понесла в его лице значительную утрату. И лично я – как студент и аспирант Сулеймана Базжеевича.

Для меня, как и для каждого, мой собственный пример имеет главную научную ценность, и я никогда не забуду, что именно профессор Сабаев поставил мне в свое время диагноз. И рекомендовал аспирантуру.

Сулейман Базжеевич, таким образом, – мой крестный отец в филологии; думаю, так или иначе у всех нас есть крестные отцы и матери в науке. Крестник не обязан следовать во всем своему крестному, но крест нести обязан. И эта обязанность тоже выступает залогом органичного и неуклонного развития науки, ибо привносит в научный процесс элемент личный, биографический, экзистенциальный.

Не зря я сказал выше о научной судьбе: такая категория существует потому, что феномен вполне реален и отделим от судьбы житейской, мирской. Впрочем, для гуманитария такое разграничение менее актуально: гуманитарий – а

СУЛЕЙМАН ИЗ ЛЕСКЕНА: о научном, художественном и педагогическом наследии С.Б. Сабаева

И.С. Хугаев*

филолог тем более – стоит прямо на почве изучаемой им народности (как понимали народность великие русские демократы), и его научная судьба в гораздо большей степени зависит от судьбы народа, от среды и почвы, ландшафтов родной природы и звуков родного языка.

2

Сулейман Базжеевич Сабаев родился в 1930 году в селении Лескен Ирафского района Северо-Осетинской АССР в семье крестьянина.

«Родители мои, – писал он, – как до Октябрьской революции, так и после нее, занимались земледелием»; с самых юных лет Сулейман Базжеевич узнал труд, – и это был тем более трудный опыт, что скоро деды, отцы и старшие братья ирафцев ушли на фронт. Сверстники Сулеймана Базжеевича мужали рано.

По окончании Лескенской средней школы, с июля 1946 по август 1947 года, Сулейман Сабаев

работал ответственным секретарем редакции газеты «Колхозон» Махчешского района СО АССР. В августе 1947 года он поступил в Северо-Осетинский государственный педагогический института им. К.Л. Хетагурова, а через два года по рекомендации Союза писателей Северной Осетии перевелся в Московский литературный институт им. М. Горького при СП СССР. В июле 1952 года Сулейман Базжеевич закончил полный курс литературного института.

До призыва в ряды Советской армии в 1952 году С.Б. Сабаев работал в редакции республиканской газеты «Молодой коммунист»; после увольнения в запас в звании лейтенанта, с фев-

*Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., в. н. с. Комплексного научно-исследовательского отдела ВНЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

раля 1955 по август 1962 года преподавал в Кизлярской и Лескенской среднеобразовательных школах и в ГПТУ-2 г. Орджоникидзе.

В августе 1962 года С.Б. Сабаев поступил в аспирантуру НИИ национальных школ при АПН СССР и закончил ее в 1965 году. До 1970 года он занимал должность редактора многотиражной газеты «Огни коммунизма» (будучи уже членом Союза журналистов СССР), преподавал в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте и работал над кандидатской диссертацией. В 1969 году диссертация «Сочинение на материале литературного краеведения и русско-национальных литературных взаимосвязей в 8–10-х классах осетинской школы» была успешно защищена.

С 1970 года С.Б. Сабаев – штатный сотрудник СОГУ – в должности старшего преподавателя кафедры русской и зарубежной литературы. В январе 1980 года он переводится на должность старшего научного сотрудника СОНИИ для завершения докторской диссертации на тему «Русско-осетинские литературные взаимосвязи и их роль в становлении и развитии осетинской литературы». Диссертация была защищена в 1983 году.

В это время С.Б. Сабаев уже возглавлял кафедру теории и истории русской литературы XX века. Одновременно профессор Сабаев (звание профессора было ему присвоено в 1984 году) вплоть до 1987 года занимал должность декана филологического факультета СОГУ. В 1993 году С.Б. Сабаеву присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСО-А».

По разным вопросам осетинской литературы С.Б. Сабаевым опубликовано в различных сборниках, в центральной и местной периодической печати более 150 научных работ, с актуальными докладами он регулярно выступал на международных, всесоюзных, региональных и университетских конференциях.

Но приоритетным направлением научных исследований С.Б. Сабаева всегда были русско-осетинские литературные отношения. Последние рассматриваются в основных монографиях и сборниках статей профессора: «Родство литератур братских народов» (1974), «Очерки русско-осетинских литературных связей» (1982), «Братство народов, братство литератур» (1985), «Коста Хетагуров и русская литература» (1989).

Особенность творческой биографии С.Б. Сабаева заключается в том, что к теории и истории русско-осетинских литературных взаимосвязей он подошел со стороны методики преподавания литературы. Сулейман Базжеевич является автором обстоятельного методического пособия «Сочинения на материале литературных взаимосвязей» (1979) и нескольких учебников для

начальных классов дигорской школы (по мнению специалистов, необходимых в современной общеобразовательной практике). Педагогическая методика и гуманистическое целеполагание объясняют его исследовательские приоритеты, подбор материала и, во многом, его язык – терминологически экономный, интонационно неспешный и, возможно, немного грузноватый, – что объясняется уже и социолингвистическими особенностями эпохи, – в том числе эпохи осетинской советской гуманитарной науки. В натуре Сулеймана Базжеевича, как и у значительной части гуманистического поколения, присутствовал очень мощный осетинский, дигорский «субстрат», в котором с некоторым трудом приживалась иноязычная флора метаязыка.

Конек профессора Сабаева заключается в безошибочном определении и корректной прорисовке общих типологических черт между отдельными русскими и осетинскими писателями и их произведениями. С.Б. Сабаев сопоставил таким образом и методологически рассмотрел отдельные аспекты отношений «Н. Радищев – С. Гадиев», «И. Крылов – С. Гадиев», «А. Пушкин – К. Хетагуров», «Н. Некрасов – К. Хетагуров», «Д. Фонвизин – Б. Гурджибеков», «М. Горький – Б. Боциев», «М. Шолохов – Д. Мамсуров» и др. Опыт профессора Сабаева еще раз показывает, что все познается в сравнении. Исследования и методические разработки Сулеймана Базжеевича стоят на прочном фундаменте исторической поэтики и сравнительного литературоведения.

Вклад С.Б. Сабаева в осетинскую филологическую науку очевиден и вне проблемы литературного влияния и взаимодействия. Современный осетинский литературовед найдет у него немало ценных наблюдений о природе литературного процесса, о критике и художественном переводе, о поэтике К. Хетагурова, Б. Гурджибекова, Г. Малиева, А. Коцоева, Д. Темиряева, М. Цагараева, У. Богазова, А. Агузарова, С. Марзоева, К. Казбекова, С. Косирати (А. Кусраева), Т. Тетцоева, В. Малиева и других писателей.

Научные статьи С.Б. Сабаева информативны и содержательны (автор исследовал множество источников в архивах СОИГСИ, СОМОЛ, КГБ и в личных архивах писателей), – а литературно-критические, помимо того, проникнуты почтительностью к корифеям и неподдельным благоговением перед русской и родной литературой.

3

В последние годы Сулейман Базжеевич работал в должности профессора-консультанта на кафедре русской и зарубежной литературы факультета русской филологии СОГУ им. К.Л. Хетагурова. Свободного времени у него, определенно, стало больше, и, хотя состояние здоровья

вносило серьезные коррективы в будни профессора, он возглавил общественную организацию «Литературное объединение дигорских писателей РСО-А» и воспользовался возможностью вернуться к публицистике (он нередко выступал по разным вопросам на страницах периодики, на радио и телевидении) и художественному творчеству.

Сулейман Сабаев издал семь сборников стихотворений и поэм на дигорском языке и в переводе на русский язык – «Ледниковый родник» (М., 1999), «Осенние думы» (Владикавказ, 2004), «Радость» (Владикавказ, 2004) и др., а также две книги прозы – «Рассказы» и «Любовь и горе» (2010), которые были отмечены нашей не очень заметной литературной критикой.

Как поэт Сулейман Сабаев стремился продолжать лучшие традиции классической осетинской поэзии на дигорском диалекте, восходящие к Блашка Гурджибекову и Георгию Малиеву. Возможно, особого внимания заслуживает его поэма «Дигорон Нана» – замечательный образец высокого патристического эпоса и подлинно национального лиризма. Но здесь я хотел бы указать менее очевидные вещи.

Если к академическому слогу С.Б. Сабаева приложим эпитет «грузноватый», то его лирическое дыхание вполне свободно и слог бывает нередко легок, как крыло бабочки. Я, конечно, не специалист в дигорской поэзии в строгом смысле слова, но в хороших переводах (в которых кое-что смыслу) есть некая тонкая субстанция, которая позволяет судить о качестве оригинала – если не на уровне собственно слога, языковых изысков, то в смысле базовых образно-логических структур (ибо их не может игнорировать ни один переводчик):

*Дерево прибрежное в реке
Головою вниз отражено.
И отрадно шепчется оно
С рыбами на птичьем языке.*

Я нахожу такое соединение птиц и рыб совершенно оригинальным и безупречным с точки зрения вкуса и логики (не обязательно технического исполнения): картина полного умиротворения и той степени гармонии и всеединства, когда даже рыбы и птицы (обитатели взаимно полярных миров) понимают друг друга...

*Бычок, как вол, мычать старался басом:
Такое у бычков бывает часом.
Но вот хозяин впряг его в арбу –
И проклял тут воловью он судьбу.*

Остроумная и очень естественная (по-народному естественная) аналогия, которая по-

зволяет точно (именно по заданному автором параметру) зафиксировать границу между детством и взрослостью... Нет, лирический герой Сулеймана Сабаева никогда не драматизирует; даже это последнее проклятье – не проклятье отчаяния, а только смиренная жалоба, горечь опыта, печаль познания... улыбка самоиронии – вот что хорошо.

Но еще больше меня всегда восхищало поэтическое смирение перед лицом смерти:

*Слышал я: «Смерть – возвращенье долга
За отраду грешную в миру».
Жить осталось мало и долго,
Но пробьет мой час – и я умру.*

Не надо быть поэтом или пророком, чтобы это знать, – а, тем не менее, такое «ясновидение» не бывает тривиально. Возможно, потому, что пророчество всегда сбывается. В этом мистическом и роковом смысле (не говоря уже о сугубо физических критериях) поэзия тоже есть вызов, который человек бросает смерти и забвению.

Сулейман Базжеевич, возможно, не драматизирует, но я драматизирую: я читаю Сабаева тенденциозно (это слово я впервые услышал – давным-давно – от профессора Сабаева), как и некоторые другие критики (о Сабаеве писали в разное время Л.А. Лукьяненко, Н.А. Дзатцеева, Х.А. Таказов, С.В. Архипов, Б.Р. Хозиев, В.Д. Таказов, М.И. Исаев, В.Г. Малиев и др.). Критики вообще с большей охотой свидетельствуют о драмах и трагедиях, но радость может быть серьезнее иной печали.

На самом деле обаяние поэтического таланта Сулеймана Сабаева заключается в том, что он всегда оставался эмоционально молодым и как бы только начинающим поэтом – даже когда писал грустные вещи. Лирическое пространство, о котором я говорю, по преимуществу настроенный почти пасторально: здесь обитают деревья, птицы, рыбы (мы уже видели), родники, кувшины, облака, горы, куры, цыплята, коровы, собаки, дети – это детский мир, и потому естественно, что автор издал стихи для детей – на дигорском языке – отдельной книгой. Детская поэзия – высшая форма педагогики.

Сулейман Базжеевич очень ценил и свои русскоязычные книги, которые были уже фактом не только осетинской литературы, но и литературного и языкового взаимодействия, которое он всю жизнь исследовал как ученый. Подписав мне «Ледниковый родник», он, между прочим, спросил, знаю ли я, кто переводчик. «Яков Козловский! – с удовольствием возвысил голос Сулейман Базжеевич, а потом добавил, смущенно улыбаясь, словно сознаваясь в чрезмерном тщеславии: – Тот самый. Который перевел Расула...»

4

В реальной жизни типаж так же редок, как блестящий актер на сцене (типаж, строго говоря, не типичен). Сулейман Сабаев – яркий и позитивный образ. Особенность его шарма, безусловно, состояла в его дигорском «субстрате», о котором я говорил выше. Это был горец в европейском костюме.

Профессор Сабаев всегда держался просто и естественно, как человек почвы и народности. Галстук повязывал небрежно, шляпу носил всегда немного набекрень, что придавало его облику немного праздный вид: роскошь, которой не стесняются только истинно трудовые люди. Много курил; курил и на кафедре, при дамах, и никто на него не обижался, – наоборот: ставили ему пепельницу. Правда, и окошко приоткрывали.

Сулейман Базжеевич всегда старался снизить градус официоза, создавая по-домашнему непринужденную обстановку; любил анекдоты и сам часто шутил. Однажды я покритиковал некоторые построения Мугуева (как известно, происходившего из осетин-казаков с. Чернойарской). «Ты сначала сам стань вольным казаком, – сказал профессор, изучив мою доктрину, – а потом махай шашкой, сколько хочешь». «Махай»: он так и сказал. Как тут не вспомнить и про бычка, старавшегося мычать басом?..

К пресловутому индивидуальному подходу профессор Сабаев относился как к обходному подходу. Он был человек прямой. Дидактик Сулейман Базжеевич был, возможно, слабый (что само по себе хорошо), но педагог был сильный, ибо уже его жизненная позиция была примерна.

«Сулейман был честный и исключительно справедливый человек, – рассказывал в частной беседе народный писатель Осетии С.З. Хугаев.

– (...) Я помню, как он переживал, когда в республику пришел «тендер», и издание учебников оказалось в руках случайных людей. Его возмущению не было конца. Он ходил в различные инстанции и доказывал, что учебная литература должна издаваться только профессионалами и только в государственных книжных издательствах, имеющих для этого достаточный опыт и, прежде всего, достаточное чувство ответственности...»

Кто хотел учиться – тот многому мог научиться у профессора Сабаева. У него был редкий по нашим временам талант: к делу он был серьезен, а к себе ироничен.

Подлинной и высшей ценностью для Сулеймана Базжеевича было общение с человеком: умная и, главное, честная беседа – тоже научный формат. Помню, с каким удовольствием и артистизмом, как остро и тем не менее деликатно спорили на кафедре Сулейман Базжеевич и профессор Зоя Мироновна Салагаева о жанровой форме Нузальской надписи...

С.Б. Сабаев очень любил Лескен и часто ездил в свою вотчину. Пока не пробил его час, как он и предсказал в своем стихотворении. Тогда он отправился в Лескен в последний раз, унося с собой тишину, какая бывает у нас только на мусульманских похоронах.

Так – хорошо и честно поработав, поехал к себе домой, в горы Дигории, Сулейман Базжеевич Сабаев, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСО-А, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Европейской академии естественных наук, член Союза журналистов РФ, кавалер медалей «За доблестный труд» и «Ветеран труда»...

Поэт, ученый, крестьянин.

SULEYMAN FROM LESKEN: ABOUT THE SCIENTIFIC, ARTISTIC AND PEDAGOGICAL, HERITAGE OF S.B. SABAЕV

I.S. Khugaev

Doktor of Litt., Vladikavkaz Science Center of Russian Academy of Sciences (shmiksel@rambler.ru).

